

Дождь лил неумолимыми потоками, оставляя небольшие воронки в мягкой грязи. Ливень намочил развевающееся знамя. Ветер заставил размокшее полотно вспыхнуть, сбрасывая капли воды с мокрого края. Молния расколола небо, и последовавший за этим гром сотряс воздух.

Холодные ручьи текли по лицу Козина, когда он смотрел на камни перед собой. Он моргнул, выталкивая воду из глаз. Они стекали по его лицу, как слезы.

Он знал, где разместить следующую подсказку. Он был в самом конце списка — Козин боится остаться позади. Осталась только одна могила с пустым страхом и пустым именем. Он наблюдал, как его имя вырезалось на знамени предпоследней могилы рядом с могилой Ослана.

Он ненавидел, ненавидел, видя, как его страх выражается такими простыми словами. Он никогда бы этого не признал, но это была правда. Он боялся оказаться последним. Последний из Медведей, последний из его братьев, последний из всех, кого он знал. Но под его именем был еще один предмет: тот, кто помнит, как хоронил брата.

Гюнтер говорил Козину, что увидит, как умрет один из его братьев — Ослан или Андрик. Ему придется зажечь погребальный костер и отправить их прочь.

Быть оставленным позади.

«Нет», — твердил себе ведьмак. Гюнтер лгал. Его улики были созданы специально для того, чтобы напугать Козина, скользнуть ему под кожу, как нож для свежевания. Конечно, они не могли быть правдой. Конечно.

«Я должен сказать, что ты делаешь хорошие успехи», — заметил Гюнтер, его голос змеился сквозь шипение дождя. «Но ты уверен, что хочешь продолжать? Дальше будет только хуже. Я забочусь только о тебе, дорогой друг. Ты выглядишь довольно бледным». Что-то грубо стукнулось Козину о заднюю часть бедер. Он оглянулся. Из грязи торчал кривой пень. «Почему бы тебе не присесть? Дай себе немного времени, чтобы очистить голову?»

Козин стиснул зубы и упрямо отвернулся от пня. Грязь засасывала его ботинки, когда он подошел к знамени. Сжав угол в кулаке, он опустил его, чтобы снова прочитать список. Прежде чем он успел произнести хоть слово, его глаза наполнились ослепительным белым светом, который заставил его опустить голову. Раскат грома расколол воздух и пронзил ему уши. Крик боли сорвался с губ ведьмака. Как будто этот гром был создан только для того, чтобы наказать Козина за неповиновение.

Ты не заставляешь меня больше тратить время, Зеркало. Он повернул голову, глядя на надгробия через руку. Именно тогда он понял, что знает названия каждой могилы, кроме последней, и осталось только одно имя, с которым можно было бы ее сопоставить.

Имя волшебницы было вырезано невидимой рукой на надгробии в самом конце могильного ряда. Тейла — женщина, которую он стал воспринимать скорее как свою мать, чем как женщину, которая его родила. Тот, кто принес, доставил Ундевару радость, которой можно позавидовать.

Была еще одна подсказка, включавшая ее имя, и она принадлежала оставшейся пустой табличке. Могила волшебницы была завершена.

Тейла.

Тот, кто нечаянно убил Медведя.

Тот, кто боится удара оскорбительной руки.

Тот, кто помнит лицо человека, смотрящего в глаза своего убийцы.

Тот, кто погибнет, когда вспыхнет ненависть к Винтрике.

Что-то покачивалось в зеркале под именем волшебницы. Козину показалось, что он уловил какой-то звук — приглушенный хлопок. Взрыв изнутри стекла. Зеркало слегка вздрогнуло. Дождевая вода стекала по его поверхности, делая невозможным различить размытые изображения внутри него.

На этот раз Козин намеренно шагнул к надгробию, решив посмотреть, что покажет ему завершенная сцена. Он видел страх Андрика. Возможно, на этот раз он увидит что-то еще для Тейлы, и его решимость защитить волшебницу подтолкнула его вперед.

Он не был готов к пустоте, которая пришла с его следующим шагом. Когда его ботинок должен был коснуться грязной земли, этого не произошло. Вместо этого он продолжал снижаться. Сердце Козина екнуло, а желудок сжался — то же чувство, которое возникает, когда неправильно рассчитаешь последнюю ступеньку на лестнице.

А потом это прекратилось. Его нога коснулась твердой земли... слишком твердой. Это была не грязь. Это был камень. Пол был выложен ею — безупречной каменной плиткой. Стены были выложены светлым кирпичом, а колонны поднимались по обеим сторонам зала и сходились у потолка, образуя арочные проемы. Просторный коридор, в котором оказался Козин, когда-то был прекрасен.

Но сейчас его начали сносить. Вдалеке он услышал еще один взрыв, от которого пол под ним задрожал. Коридор вздрогнул, как раненое существо, а куски камня цвета слоновой кости упали с потолка и разбились на меловые куски в нескольких футах от того места, где стоял Козин. Его острые уши улавливали крики страха — испуганных женщин и молодых девушек. Злые крики. Мехи "Ведьмы!" сдерживал тона желания убийства. Порталы ревели.

Козин повернул голову к куче обломков рядом с ним. Из-под него торчала нога и кусок платья. Струйка крови прочертила болезненную малиновую линию вдоль икры.

Еще один кусок камня упал и с грохотом упал на пол рядом с ним. Козин пришел в себя и поспешил вперед, инстинктивно потянувшись назад за своим стальным палахом. Но не тут-то было. Козин выругался, вспомнив, что он был в поле зрения Гюнтера и обманщик отобрал у него оружие. Но это было не важно, важно было найти Тейлу.

Его ботинки звучали странно, когда они грохотали по каменному залу. Уши как будто были набиты ватой. Они звучали не совсем правильно.

Пока он бежал, Козин видел все больше и больше кровавой бойни вторжения. Мертвые волшебницы лежали на земле, куда бы он ни пошел. Раны покрывали их тела и пропитывали одежду. Некоторые были разорваны на куски димеритиевой шрапнелю. Козин всматривался в каждое из их широко раскрытых, окровавленных лиц, боясь найти среди восковой кожи ее знакомые оливковые глаза.

Холодное облегчение охватило его, когда он не смог их найти. Но если бы ее не было здесь, среди мертвых... — Тейла! - крикнул Козин. Камень нес его голос.

«Итеал'ч дагр аэп ихар!» — прогремел голос, словно отвечая ему. Оно принадлежало ей, глубокое и гортанное, втягивающее в себя силу Хаоса. «Дра'энаил Беатра!» Оно также было напряжено, как будто его заклинатель был слаб и изо всех сил пытался произнести заклинание.

За этим последовал хриплый вздох человека, испускающего последний вздох. Затем резкий звук удара чего-то тяжелого о землю. Неровные шаги царапали по камню. Изможденное женское дыхание заполнило уши Козина. Карабкаясь, она споткнулась. Мясистые ладони ударились о стену, когда она взяла себя в руки. Дыхание замедлилось.

Козин нашел деревянную дверь, из которой доносились звуки. Ударом руки он распахнул ее, как только дошел до нее. Мертвецы были разбросаны по полу, их оружие бесполезно валялось рядом с ними. И через комнату он увидел ее.

Она уже опустилась на землю, прислонившись спиной к стене. Ее рука обхватывала живот, скрывая какую-то рану, но не в силах скрыть красный цвет, выползающий снизу. Тейла была непохожа на всех, кого Козин когда-либо видел. Ее волосы были спутаны, а лицо было в пятнах крови и грязи. Ее платье исчезло, его заменила легкая кожаная пластина — доспехи, надетые для битвы.

Ее металлические каблуки заскрежетали по камню, когда она подтянула ноги. С ее губ сорвался вскрик. Ее рука сжалась на животе. Козин подбежал к ней. — Тейла! Тейла, нет! Он узнал умирающего человека, когда увидел его.

Колдунья на него не отреагировала. Ее прикрытый взгляд скользнул по пустой для нее комнате. Другая ее рука потянулась к чему-то сзади на поясе. Он вернулся с чем-то зажатым в пальцах. Медальон Медведь.

Медленно Тейла подняла медальон, ее рука дрожала от усилия. Она закрыла глаза и поднесла медальон к лицу, прижимая его к губам. Едва Козин подошел к ней, как медальон «Медведь» упал вместе с ее рукой. Ее голова упала набок.

«Тейла!» Он рухнул рядом с ней, ударившись коленями о холодный камень. Козин взял ее лицо в свои руки, поднял его и посмотрел в ее безжизненные глаза. «Не уходи! Не оставляй меня!» Ответа не было. Колдунья была мертва. Он знал это, но отказывался слушать разум.

Затем, в следующее мгновение, она исчезла. Его руки держали пустой воздух. Холодный дождь барабанил по нему. Знамя развевалось за его спиной. Медленно Козин сжал онемевшие руки в кулаки и опустил их на бедра. Он видел, как зигзаги бегали по зеркалу на могиле Тейлы. Потом появились еще. Зеркало с грохотом разлетелось на части и осколками упало в грязь.

Козин устался на пустое место, где раньше было зеркало, все еще видя ее мертвые глаза, смотрящие на него. Затем он закрыл глаза и заставил себя вернуться в настоящее. Он поднял руку и провел ею по мокрому лицу. Когда он поднялся, грязь покатилась по его ботинкам.

На этот раз со стороны Гюнтера не было насмешек. Он хотел, чтобы Козин тоже погрузился в страдания, которым он только что подверг ведьмака. Но Козин не отдал ему эту победу. «Теперь ты меня разозлил», — прошипел ведьмак, его бурлящие глаза упали на оставшиеся могилы. «Посмотри на это, Зеркало. Осталось заполнить всего несколько мест. Отсюда прямой выстрел, и тогда ты будешь у меня».

«Хм. Тогда лучше поспешить».

Встревоженный, Козин подумал о том, сколько времени он провел, переживая это видение Тейлы. Он снова повернулся к знамени. Ветер подхватил его и перевернул. Козин протянул руку и потянул его обратно. Когда он это сделал, в него ударил коготь. Вместо списка улик Козин столкнулся с виверной, выходящей из полотна. Его разинутая пасть метнулась к нему. С криком Козин выпустил знамя и отпрыгнул назад, рука его отлетела к рукояти на плече. Но когда его пальцы сомкнулись на серебряном мече, знамя невинно развевалось, не обнаружив на своей поверхности ничего, кроме набора подсказок.

Козин тяжело выдохнул, все еще сжимая рукоять. Он понял, что это была уловка Гюнтера, чтобы оттянуть время. Козин его беспокоил, и он выезжал на всех остановках, чтобы его задержать. Ведьмак решал свою загадку, поэтому теперь он прибегнул к помощи времени, чтобы одержать победу.

— Остался один страх, — сказал Козин вслух, чтобы Гюнтер мог его услышать. «Остается один страх, который нужно сопоставить с его могилой - центральный. Тот, кто боится неизбежной смерти, чужой, умрет в чужих землях. Могила Оса готова». Пока он говорил, слова появились на мемориальных досках Ослана, завершая надгробия. «Тогда давай! Покажи мне, что у тебя есть!» Голос Козина стал почти невменяемым. «Позволь мне увидеть ужасные вещи, которые ждут моего брата! Это еще больше приблизит меня к тому, чтобы найти тебя, ты, больной ублюдок!»

Внезапно дождь прекратился. Каждая капля висела в воздухе. Козин оказался в ловушке пустоты тишины и тишины. Затем тишину прорвало тихое, прерывистое дыхание. Оно пришло сзади него. Когда Козин повернулся, чтобы выяснить источник шума, его окружение изменилось. Когда он полностью повернулся, он стоял в дальнем конце спальни. Слабый свет лился из окна и падал на двух человек, лежащих на кровати. Ослан сидел на краю, прижимая к себе жену.

Его голова была склонена, чтобы встретиться взглядом с Ардой. Слова вылетали из его рта, тихо и быстро, как молитва. Он снова и снова говорил ей, что любит ее.

Арда выглядела почти так же, как помнил Козин, хотя в ее волосах пробежали седые пряди, а в уголках глаз сморщились возрастные морщинки. Но она выглядела слишком молодой, слишком молодой, чтобы уже увядать.

«Это зависит от вас». Голос Гюнтера заставил Козина подпрыгнуть. Что-то тихонько жужжало. Катушка ниток скатилась с потолка, оставляя за собой след, похожий на паука. Катушка упала на пол, но нить осталась натянутой. «Ты можешь оставить их в покое — пощадить ее, пока не придет ее естественное время. Или...»

Что-то застучало у ног Козина. Это были ножницы.

«Ты можешь положить этому конец сейчас. Это действительно зависит от тебя, дорогой Козин. Ты действительно можешь позволить себе ждать так долго? Помни, время идет».

Козин уставился на ножницы. Гюнтер собирался удерживать его в этом видении, пока он не примет решение. А если у него закончится время...

Он присел на корточки и потянулся за ножницами. Его пальцы сомкнулись вокруг них и подняли вверх. Выпрямившись, Козин снова посмотрел на пару. Ослан поднял руку и деликатно убрал прядь волос со лба Арды.

«Ты сильная, Линнан. Лихорадка не справится с тобой. Она пройдет».

Козин закрыл глаза, говоря себе, что он в видении. Это было нереально. Это был трюк. Трюк. Трюк.

— Прости, Ос. Он не мог остановить слова, вылетающие из его рта. Он открыл глаза, но отказался смотреть на брата, сжимая веревку в трясущемся кулаке. Он не мог дышать, когда поднес ножницы к веревке, чтобы разрезать ее одним плавным движением. Один конец безвольно болтался в воздухе, а другой спиралями падал на землю.

«...Арда?»

Козин уронил ножницы.

— Арда... пожалуйста... Линнан? Он услышал, как голос Ослана прервался. — Нет... пожалуйста... А-Ар... нет... Почему? Почему ты ее забрал? Его голос повысился, стал злым и конфронтационным. Козин не мог смотреть на него. «У нас еще было время! Зачем ты ее взял?»

Окно внезапно распахнулось, забросив в комнату дождь и ветер. Стены комнаты отвалились, унесенные бурей. Козин прикрыл лицо рукой, когда на него обрушился порыв ветра, и холодный дождь вернулся к его коже. Сила выбила его из равновесия, и он споткнулся. Его нога зацепилась за упавшую лопату. Грязь расплескалась, ведьмак приземлился на бок и зацепился за руку.

Он приподнялся и провел чистой рукой по лицу, чтобы вытереть грязь. Стекло заскрипело, а зеркало на надгробии лопнуло.

Ослан.

Тот, кто отвернулся от своих братьев.

Тот, кто боится неминуемой смерти, не своей.

Тот, кто помнит, как женщина в его руках угасает.

Тот, кто умрет в чужих краях.

Он знал. Все они знали, что Ослану рано или поздно придется пережить этот день. Но Козин не был готов противостоять этому таким образом – когда Гюнтер толкал его вперед и в центр. Заставить его перерезать нить. Он перерезал нить. Означало ли это, что Козин каким-то образом будет нести ответственность за...?

Ведьмак поднялся на ноги. Грязь заполнила трещины в его доспехах и капала с пальцев. Козин шлепнулся к могиле Ундевара. Он все еще стоял на приличном расстоянии от надгробия, хотя был уверен, уверен, что под этим участком земли перед ним ничего не было. Осталась одна пустая табличка — смерть. Козин уже знал, какая там подсказка. Из списка остался только один.

Тот, кто боится деградации, похоронен рядом с тем, кто потеряет голову от топора.

Это была худшая смерть, с которой ему пришлось столкнуться, потому что она была незаслуженной. Ундевар — человек, который так тщательно справился с ролью отца. Самый храбрый, умелый и самоотверженный человек, которого он знал, был обречен на конец, который должен был постичь развратный, осужденный преступник.

«Возможно, это все-таки уместно», — размышлял Гюнтер, еще раз демонстрируя свою способность без приглашения помочь себе в мыслях Козина. «Насколько хорошо ты знаешь своего гротсмейстера?» Отражение в зеркале Ундевара исказилось.

Страх вдруг схватил сердце Козина. Он отступил назад. "Нет..."

— Сейчас, сейчас, Козин, — слегка упрекнул Гюнтер. «Не отступай. Прискорбно, чтобы человек оставался умышленно невежественным, не так ли? Выйди и узнай, каким именно преступником является Ундевар, чтобы заслужить свою судьбу. Или...»

Что-то яркое осветилось позади Козина, отбрасывая тень на могилу Ундевара. Ведьмак оглянулся и увидел, как стыки арочного дверного проема поднимаются в воздух. Затем, словно занавеску отодвинули, из арки хлынул свет.

«Выбери легкий путь, Козин. Тебе не нужно больше подвергать себя мучениям. И тебе не нужно позволять воспоминаниям о том, что ты видел, больше мучить тебя. Шагни и будь свободен».

Свет манил, и Козин жаждал облегчения от мрачных видений. Он видел, как страдают самые близкие ему люди. Он знал о страданиях, которые ждали их всех. Это было бремя, прикованное к нему, которого он не хотел.

А если я пройду, подумал Козин, то потеряю их всех. Здесь и сейчас.

Ведмак отвернулся. — Я не думаю, что за этой дверью у тебя есть свобода Андрика? — прорычал он, уходя от света. «Покажи мне, черт возьми. Покажи мне, что за человек Ундевар».

Земля под ним внезапно закружилась, как будто вращалась на тарелке. Воздух и небо мало изменились, за исключением того, что дождь стал сильнее, а черные тучи рассекали более частые молнии. Гром оглушительно трещал, и ветер бил его тело, словно невидимые кулаки.

Он стоял на открытом воздухе, плывя. Нет, он стоял на чем-то сверху. Шпиль. На многие мили вокруг не было ничего, кроме шторма и беспокойного океана. Краем глаза Козин увидел движение и понял, что он не один.

Рядом с ним стоял ведьмак. Ветер развеивал медальон Медведя на его шее. Верхняя половина его черных волос была собрана в хвост, а остальная часть развеивалась длинными мокрыми прядями вокруг шеи. Хотя он и был намного моложе, Козин узнал своего гротсмейстера. Взгляд Ундевара был сосредоточен на обрыве перед ними. Козин тоже посмотрел вниз.

Расстояние между ними и водой внизу было головокружительным. Казалось, на глубине нескольких миль вода яростными пенящимися волнами билась о основание шпиля.

Молния пронзила облака, и почти сразу же последовал раскат грома. Когда грохот затих, Козин услышал позади себя разговор. Он посмотрел и увидел странную сцену. То, что казалось двумя другими людьми, не затронутыми дождем, стояло в том, что Козин мог только описать, было карманом какой-то другой реальности. Эти двое стояли в размытом пузыре, который внутри был чем-то вроде комнаты. Возможно, исследование. Или офис.

— ...Мешаю, — говорил другому седовласый, свирепо выглядящий старый ведьмак.

«Что бы ты хотел, чтобы я сделал?» — спросил второй человек. Козин понял, что это тот же человек, что стоял рядом с ним сейчас — младший Ундевар.

«Я хочу, чтобы они замолчали», — прошепел старый ведьмак. «Когда в следующий раз вы приведете их к шпилью, убедитесь, что они не вернутся».

Ундевар выглядел ошеломленным. — Ты бы хотел, чтобы я...?

— Сделай это, — прервал его старый ведьмак тихим и колючим голосом. — И мое место гроссмейстера вам гарантировано. Слова старого ведьмака были встречены молчанием, пока Ундевар обдумывал предложение. — Остальным можешь сказать, что это был несчастный случай, — продолжил седой ведьмак. «Шпиль Сансиры — опасное место. Трагическая случайность не была бы такой уж неуместной».

«И мне пообещают звание гроссмейстера?»

"Это верно."

Когда Ундевар посмотрел вниз, пузырь начал исчезать. Козину показалось, что он уловил какой-то блеск в глазах ведьмака, прежде чем они исчезли.

Резкий раскат грома вернул Козина в его нынешнее окружение. Он осмотрелся. Они стояли на шпилье. «Это... Шпиль Сансиры?» — спросил он вслух. Он услышал, как мужчина рядом с ним тяжело вздохнул.

«Надеюсь, ты научишься меня прощать».

Внезапно дыхание Козина оборвалось: чья-то рука жестоко схватила его за шею. Руки Козина взлетели вверх, пытаясь вырваться из сокрушительной хватки Ундевара. Он посмотрел в лицо своего гроссмейстера, уловив лишь отблеск холодной решимости на его лице. Затем сильный толчок отправил его в полет через край шпиля. Козин перевернулся, глядя вниз на грохот волн, и перевернулся еще раз. Он увидел, как Ундевар выглядывает из-за края и смотрит, как он падает. Его желудок подскочил к горлу, когда он почувствовал тошнотворное ощущение свободного падения, охватившее его. Он не знал, когда попадет в воду. Все, что он знал, это то, что когда он это сделал, он...

Тело Козина перестало падать, перестало переворачиваться. Он был на ногах, но был сильно дезориентирован. Ведьмак опрокинулся вперед и упал на колени в ил. Он ахнул, переводя дыхание впервые за долгое время.

Ундевар.

Тот, кто поддался соблазну власти.

Тот, кто боится потерять гильдию.

Тот, кто помнит, что его оставила дочь.

Тот, кто потеряет голову от топора.

— Безжалостный, не так ли? — спросил Гюнтер, не давая Козину прийти в себя. «Но что печально, так это то, что в том, что он сделал, вообще не было необходимости. Если бы он так сильно хотел место гроссмейстера, все, что ему нужно было сделать, это попросить меня. Мы могли бы заключить приятную небольшую сделку».

"Ложь..."

"Что это было?"

«Ложь... все это!» Козин вдруг взревел, подняв голову. «Все, что ты мне показал — ничего, кроме лжи! Просто выдумки, которые ты придумал, чтобы помешать мне разгадать твою головоломку! Ну что, Гюнтер? Готово!» Он протянул руку и выхватил лопату из грязи. Поднявшись, он вытащил лопату и врезал лопатой в зеркало Ундевара, прежде чем оно успело разбиться само по себе. «Я знаю, кто умирает глупой смертью! Я знаю, в чьей могиле ты прячешься! Я иду за тобой, ублюдок!»

Козин остановился перед собственной могилой и вонзил лопату в сырую землю. Он поднял его и отшвырнул первый ком грязи.

"Десять."

Еще одна лопата. А потом еще один.

"Девять."

В земле образовалась большая ямка. И все же лопата пробивалась, срезая все больше и больше земли.

«Восемь... Семь...»

«Я знаю, что ты там!» - крикнул Козин в дыру. Он спрыгнул и продолжил копать.

«Шесть... Пять... Четыре...»

Лопата ударилась о что-то твердое. Он царапал дерево, пока Козин счищал грязь с гроба.

"Три..."

Неистовые, отчаянные пальцы царапали край крышки гроба. Наконец, Козину удалось поймать преимущество. Он впился пальцами и поднял.

«Два... О...»

Крышка взлетела, движимая какой-то невероятно сильной силой. Он врезался в Козина и отбросил его назад. Крышка гроба упала на него сверху. Он оттолкнул его в сторону и ухватился за край гроба, чтобы снова встать на ноги.

Козин нашел Гюнтера лежащим в мягкой обивке гроба и выглядевшим мирно во сне. Или смерть. Его руки лежали на животе, сжимая медальон Медведя Андрика. Козин потянулся, чтобы забрать его обратно. Прежде чем он успел прикоснуться к нему, глаза Гюнтера распахнулись. Рука, державшая медальон, схватила Козина за запястье. Другой болезненно обвился вокруг шеи ведьмака. Пальцы, впивающиеся в его кожу, казались бетонными. Гюнтер без особых усилий потянул сопротивляющегося ведьмака вниз, пока они не оказались лицом к лицу.

Лицо Гюнтера изменилось, исказилось так, что у Козина перехватило дыхание. Кожа прилипла к его черепу, как истощенный труп. Оно было достаточно белым, чтобы видеть темно-фиолетовые вены, бегущие по его лицу, как будто Гюнтер страдал от воздействия ведьмачьего зелья. Голос его сорвался с бледных губ, маслянистый и пугающий.

— Ты чувствуешь себя победителем, ведьмак? Ты чувствуешь, что победил? Черные глаза-

бусинки Гюнтера просверлили глаза Козина. В его глазницах закипела настоящая боль. Он попытался закрыть глаза, но какая-то невидимая сила удерживала его взгляд на этих горящих черных пустотах. «Все, что я показал тебе, — это истина, и она сбудется. Проведи остаток своих жалких лет в ожидании, пока это произойдет. Подожди, пока твои страхи сбудутся. Ты действительно победитель? Тогда наслаждайся своей добычей».

Боль становилась невыносимой — казалось, глаза вот-вот лопнут. Козин едва почувствовал, как тепло стекает по его лицу. Слезы? Его видение становилось туманным. От боли в желудке назревала тошнота.

Гюнтер внезапно отшвырнул его. Когда спина Козина коснулась земли, грязи он не почувствовал. Земля под ним была твердой. Дождь прекратился, или... по крайней мере, он его больше не чувствовал. Он не мог видеть неба. Он ничего не мог видеть.

Что-то застонало рядом с ним, а затем зашевелилось. Козин услышал слабый вздох, а затем слабое: «Ко?» Козин приподнялся одной рукой, а другой помахал перед лицом. Он не мог видеть.

— Ко, ты... О, нет. Ко, что случилось?

«Эдди?» - сказал Козин. «Что у меня с глазами?»

«Они... они истекают кровью, приятель». Козин осторожно дотронулся до его щеки. Было мокро. «И они костяно-белые. Что?»

— Он-он выжег мне глаза, — сказал Козин дрожащим голосом. Его сердце участилось от паники. — Он... этот ублюдок ослепил меня! Я... Как я могу быть таким ведьмаком? Адди!

«Эй, приятель, все будет хорошо». Он почувствовал, как руки Андрика подняли его в сидячее положение. «Слушай, мы найдем мага или волшебницу, что-нибудь...»

— Тейла, — сказал Козин.

«Она здесь?»

«У гавани Уриаллы. С Ос».

«Хорошо. Тогда давай встанем».

Им потребовалось некоторое время, чтобы добраться до Тейлы. Андрик и сам чувствовал себя не слишком хорошо, поскольку последние несколько дней он находился в плену у Гюнтера. Козин пытался добиться от него сделки с обманщиком, но Андрик отодвинул эту тему, сказав: «Не сейчас, Ко».

Судя по прохладному воздуху, когда они наконец вернулись, был уже поздний вечер. По их возвращению произошла суматоха. Андрик вернулся, и с Козиным случилось что-то ужасное.

Рыжий ведьмак отмахивался от всех вопросов, настаивая, что сначала надо что-то сделать с Козиным. Тейла велела привести его во вторую спальню и осмотреть.

«Кто-то наложил проклятие на его глаза», — заявила она, вытирая темную кровь, продолжавшую медленно сочиться из уголков глаз Козина. «Я могу повернуть это вспять, но это займет время. И это будет неприятно. Мы можем дать ему какую-нибудь анестезию,

прежде чем я начну?»

Арда вышла из комнаты, чтобы взять из шкафов лекарства. Андрик и Ослан стояли в углу, наблюдая, как волшебница ухаживает за их братом. Ослан повернулся к Андрику, но прежде чем он успел что-либо сказать, рыжеволосый ведьмак спросил: «Она еще здесь?»

"Что?"

— Ночной призрак, — сказал Андрик с тревогой в янтарных глазах. «Она все еще здесь?»

«Ночь... призрак?» Ослан медленно повторил, размышляя. «Ну... Я слышал, что один был над водой... Я планировал позаботиться о нем, как только мы найдем... Эй! Куда ты идешь?»

Паруса ослабли, и лодка медленно остановилась. Дерево скрипело, когда маленькое судно прорезало полосу лунного света. Одиноким пассажир лодки подошел к борту и посмотрел на воду. Его глаза были сосредоточены на фигуре вдалеке — фигуре, невесомо плывущей над темной, стеклянной поверхностью океана. Пряди волос струились вокруг головы фигуры, скрывая лицо из виду. Даже тогда он мог сказать, что она смотрит на луну.

Какое-то мгновение он стоял, молча наблюдая за ней, не зная, что делать. Вина, душевная боль и боль цеплялись за его сердце и тяготили его, как якоря. Ведьмачьи мечи, вложенные в ножны и несмазанные, оставались у него за спиной, хотя медальон трясся в присутствии ночного призрака.

В этот момент подул небольшой порыв ветра и ударил веревкой по мачте. Удар был едва слышен, но монстр его уловил. Внезапно ее голова повернулась невозможным образом, направляя глазницы в сторону лодки. Пронзительный, неземной вопль прорезал воздух, когда ночное привидение метнулось к лодке.

Она остановилась прямо на краю лодки, ее волосы были распущены, открывая ведьмаку ее похожее на череп лицо. Разорванная ткань блузки вспыхнула на ребрах. Из оборванного горла, откуда торчал ее тяжелый язык, доносилось сдавленное бульканье.

Призрак схватил неподвижного ведьмака, ее тонкие когтистые пальцы впились ему в плечи. Ужасное, хриплое рычание вырвалось из ее уст, когда она приблизила свое сморщенное лицо к его. Ее язык полез к его челюсти, а затем остановился. Ночной призрак отпустил его и полностью удалился.

«Андрик?» ее голос, только в его голове, звучал точно так, как он ее помнил.

Дрожащие руки поднялись и нежно обняли лицо ночного призрака. — Посмотри на себя, — прошептал ведьмак, и его голос дрожал, хотя и не от страха. «Посмотри, что я с тобой сделал. Я просто... Я просто хотел, чтобы ты вернулся. Я не имел в виду, чтобы это случилось».

«Андрик». Она говорила ужасно, была на грани слез. «Мне холодно. Так холодно». Она подняла свои иссохшие руки вверх, словно пытаясь поймать лунный свет. «Нет тепла. Просто холодно».

Его руки опустились и обняли ночное привидение за талию, ощупывая ее костлявый позвоночник сквозь рваную ткань. Он осторожно втащил ее в лодку. «Иди сюда, девочка», — сказал он ей. Он обхватил одной рукой ее спину, а другой прижал голову призрака к себе на плечо. «Я же тебе однажды говорил, не так ли? Просто прижми меня, да? Возьми все, что тебе нужно, чтобы снова почувствовать себя цельным. Тебе больше не придется мерзнуть».

Он почувствовал, как руки ночного призрака обвили его, и внезапно его тело схватила ледяная хватка. Его мышцы напряглись, но он крепко держал ночного призрака. Его зубы застучали, и короткие вздохи, вырывавшиеся между ними, выходили белыми клубами дыма.

Взгляд Андрика устремился к белому шару в небе. Оно дрогнуло. Он почувствовал головокружение. Холод, окутавший его тело, был не так уж и плох. На самом деле он почти ничего не почувствовал... Внезапно он обнаружил, что больше не стоит. Вместо этого он прижался к мачте. Странный. Он не помнил, как упал.

Луна взошла, но его накрыла тень. Андрик поднял глаза и увидел парящего над ним ночного призрака. У нее все еще было лицо трупа – увядшее и гротескное.

Он не понимал, что произошло. Он думал, что смог бы... Что не удалось?

Свободные лохмотья, свисавшие с бедра ночного призрака, как платье, застегнулись и сложились, когда она опустилась к нему. Андрик посмотрел на ее мертвое лицо — безглазые глазницы, острые зубы и длинный язык, дергающийся у ее груди.

«Я не буду», — сказал ему ночной призрак. «Я не возьму тебя».

«Но ты не можешь так оставаться». Андрик поднес руку к ее разбитому лицу. Костлявая рука толкнула его обратно.

«Я почувствовала тебя», сказала она. «Когда ты держал меня, я чувствовал тебя. Я чувствую тебя сейчас». Андрик посмотрел на руку, все еще переплетенную с его. Но ее пальцы больше не были сухими и когтистыми. Они были нормальными — тонкими и мягкими. Он поднял глаза и увидел ее ярко-голубые глаза. "Я счастлив." Синий цвет исчез, когда она закрыла глаза и склонила голову ему на плечо. Андрик увидел, как ее очертания начали медленно тускнеть.

— Останься, — умолял он, отчаянно обнимая ее ослабевшую фигуру. «Побудь со мной еще немного». Она появилась снова и подняла голову к нему, чтобы нежно поцеловать. Когда они расстались, она положила руку ему на щеку. Ее прикосновения были теплыми.

«Я буду ждать тебя», — прошептала она ему. «Мой ведьмак... я люблю тебя».

Она ушла прежде, чем эти слова вылетели из его головы. Ночь была тихой, и лодка стояла неподвижно. Он посмотрел на луну, вынув из кармана обруч, который держал в руках, пока небо не порозовело от восхода солнца.

я держусь

' Пока у нас нет времени

Ты бы прорвал завесу

Вы бы перешли черту

Я чувствую тебя здесь, души переосмыслены

Я не могу отказаться от нашего дизайна

«Вернись ко мне» — Les Friction

<http://tl.rulate.ru/book/100012/3450081>